

ТЕХНОЛОГИИ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: «БОРЬБА ЗА СМЫСЛЫ» И КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Предметом исследования являются конкретные технологические решения, характеризующие специфику «цветных революций» в современном мире. Анализируются базовые механизмы, которые оказываются востребованными в практиках «цветных» протестов начала XXI века: переструктурирование паттернов массового сознания; механизм «символической жертвы», метафоризация и символизация политического пространства; использование кризиса национально-государственной идентичности. При этом сопоставляется опыт удачных и неудачных «цветных» протестов на постсоветском пространстве (Грузия, Украина и др.) и наиболее рельефных политических практик «арабской весны». В основе исследования лежит сочетание сравнительного кросс-национального подходов и метода «кейс-стади» (обращение к практикам конкретных кейсов «цветных революций») Научная новизна исследования состоит в попытке выделения и анализа таких системообразующих механизмов «цветных» протестов, как рефрейминг смыслового пространства, метафоризация и «игровой формат», активный слом национально-государственной идентичности. Делается вывод, что на основе сочетания четырех рассмотренных выше механизмов (переструктурирование паттернов массового сознания; механизм «символической жертвы», метафоризация и символизация политического пространства; использование кризиса национально-государственной идентичности) обеспечивается абсолютная пластичность, информационно-психологическая управляемость конкретного общества. Такое общество оказывается лишенным механизмов иммунитета к «цветным революциям», не готовым активно им противодействовать и, следовательно, беззащитным перед всевозможными проявлениями инспирированной извне «цветной агрессии».

Ключевые слова: национальная идентичность, политический перформанс, символическая жертва, цветные технологии, политический протест, переструктурирование политического пространства, цветные революции, кризис идентичности, мультипликативный эффект, метафоризация.

Abstract. The research subject covers the technologies, characterizing the specificity of “color revolutions” in the modern world. The author analyzes the basic mechanisms, applied in “color” protests of the early 21st century: public consciousness patterns reformatting; the mechanism of a “symbolical victim”; the political space metaphorization and symbolization; making use of the nation-state identity crisis. The author compares the experience of successful and unsuccessful “color” protests on the post-Soviet political space (Georgia, Ukraine and others) and the most prominent political practices of the Arab Spring. The study is based on the combination of the comparative cross-national approach and the case-study method (consideration of particular cases of “color revolutions”). The scientific novelty of the study consists in the attempt to detect and analyze such fundamental mechanisms of “color” protests as the space of meaning reframing, metaphorization and a “slot machine”, the destruction of nation-state identity. The author concludes that, based on the combination of the above mentioned mechanisms (public consciousness patterns reformatting; the mechanism of a “symbolical victim”; metaphorization and symbolization of political space; making use of the nation-state identity crisis), the absolute plasticity and information and psychological controllability of the particular society are ensured. Such a society becomes bereft of the mechanisms of immunity to “color revolutions”; it is not ready to struggle against them and thus, it is exposed to any possible forms of an externally inspired “color” aggression.

Key words: metaphorization, multiplying effect, identity crisis, national identity, political performance, symbolical victim, color technologies, political protest, political space reformatting, color revolutions.

Глобальные изменения начала XXI столетия, охватившие сферу политических технологий, серьезным образом сказались на «политической повседневности» различных обществ. Одним из таких «новшеств», которое все более обращает

на себя внимание исследователей-политологов, являются «цветные революции».

Всплеск интереса к технологиям «цветных революций» в российском политологическом сообществе произошел в середине «нулевых» годов

и был связан, в первую очередь, с событиями на постсоветском пространстве: «революцией роз» в Грузии, «оранжевой» и «желтой» революциями в Украине и Киргизии, неудавшимися выступлениями в Беларуси и Армении. При этом большинство исследователей «по умолчанию» считали, что основная цель подобных действий – смена правящих политических режимов на более лояльные Западу. Подобное видение вытекало не только из постсоветских «революционных практик» 2000-х годов, но также из анализа более раннего зарубежного опыта, начиная от «революции гвоздик» в Португалии, свержения диктатуры Маркоса на Филиппинах и заканчивая опытом восточноевропейских «бархатных революций» [1].

Однако уже в начале 2010-х годов, с наступлением эпохи «твиттер-революций», получившей наименование «арабская весна», стало очевидно, что «ненасильственная» оболочка «цветных революций» – не более чем внешний антураж для поддержания соответствующего информационного фона. При этом сами «революции» могут быть ориентированы на существенно более масштабные цели, чем смена действующей власти. Сегодня все более очевидно, что «цветные технологии» способны выступать инструментом уничтожения государственности как таковой, тотальной архаизации социального пространства и резкой дестабилизации ситуации в различных геополитических макрорегионах планеты. Такая «переориентация целей» в сочетании с гибридизацией технологий (когда на смену первичному «ненасильственному» этапу приходит вооруженный) заставляет еще раз задуматься о природе и технологических аспектах современных «цветных революций» [2].

Важно оговориться, что в существующем научно-политическом дискурсе не сложилось единого понимания термина «революция», некой интегративной оценки данного явления. Более того, все серьезнее заявляет о себе феноменологический подход, основанный на дескриптивных и оценочных приемах, противопоставлении классических (буржуазных и, в некоторой степени, пролетарских – «народных») и условно новых «постмодернистских» концепций революции. Последние, как правило, объясняются не через призму реальных социально-экономических и политических противоречий, а в русле общеизвестной «мягкой силы», «борьбы за идентичность», информационно-психологического и когнитивного противоборства. Именно в таком ключе они представлены в работах Дж. Шарпа, Дж. Филиу, Г.Г. Почепцова, А.В.Манойло, Э.Э.Шульца, и других авторов [3,4,5, 6, 7].

Вместе с тем, важно учитывать и тот факт, что в современной политической науке накоплен значительный потенциал исследований как само-

го феномена «цветных революций», так и многочисленных связанных с ними явлений (кризис национально-государственной идентичности, когнитивные разрывы в обществе, политико-психологический эффект «спирали молчания» и т.д.). Так, вопросы информационно-психологической борьбы, её особенности в начале XXI столетия, отражены в трудах Б.А.Исаева, А.В.Манойло, Э.Э.Шульца, О.Г. Карповича и др [8,9,10, 11].

Проблемы когнитивных конфликтов, «борьбы за смыслы», актуализированы в исследованиях Э.Нозль-Нойман, Г.Г. Почепцова и др [12,13]. Тематика использования кризиса национально-государственной и этнической идентичности, целенаправленного конструирования «образа врага» для организации неконвенциональных массовых протестов нашла свое отражение в публикациях Т.В.Евгеньевой, В.М. Капицына, М.Б.Погребинского [14,15,16].

Однако, несмотря на серьезную разработанность указанного круга проблем, и сегодня определение «цветной революции» (а не её описание «по следам» удачных и неудачных кейсов) представляется весьма сложным: налицо выраженная метафоризация этого словосочетания как в среде российских, так и зарубежных исследователей. Однако, наряду с поиском приемлемого определения, вырисовывается еще одна важная *научная проблема*, связанная с пониманием *инструментальных возможностей «цветных революций» в контексте «борьбы за смыслы» и кризиса национально-государственной идентичности*.

Заслуживает внимания тот факт, что все большее место в работах, посвященных проблематике «цветных революций», занимает структурно-технологический подход, попытка рассмотреть данное явление с точки зрения его возможной алгоритмизации. В данном ключе весьма интересной представляется точка зрения А.В. Манойло, который исходит из инструментальной и технологической природы подобных «революций», связывает их происхождение с агрессивным продвижением геополитических интересов западных держав. «Цветные революции – это не что иное, как организационная форма осуществления государственного шантажа ... маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции. Цветные революции – не мягкая сила; это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов западными странами, которые имеют признаки имитационности» [17].

По мнению автора, «американцы не только создали модель демократического устройства государства, ориентированную «на экспорт», но и позаботились о создании специальных инструментов,

предназначенных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, являются технологии цветных революций». Показательно, что сегодня все более громко озвучивается позиция, согласно которой ненасильственная составляющая цветных технологий (знаменитое интернетовское «они-же-дети») – не более чем внешний антураж, направленный на политическую легитимацию государственных переворотов в глобальном информационном пространстве.

В связи с этим, можно вспомнить, что и все предшествующие цветные революции последней четверти XX века, помимо «мирных» декораций имели под собой явную силовую составляющую, которая выражалась либо в прямом военном перевороте (Португалия-1974), либо в классическом «дворцовом заговоре» (отстранение от власти Э.Хонеккера, Я. Кадара, Г. Гусака), либо в агрессивном внешнем давлении. Например, известные диктаторы последней четверти XX века Ф.Маркос, Чон Ду Хван, М. Эршад, М.Сухарто, также как и постсоветские лидеры Э.Шеварнадзе, Л.Кучма, В.Воронин оставили свои посты после интенсивных «консультаций» с руководством США. Более того, концепция стихийного народного протеста оказывается абсолютно несостоятельной в свете уже более поздних событий в Узбекистане, Киргизии, Ливии, Сирии, Йемене и на Украине, когда массовый протест и начало силовых операций были фактически синхронизированы.

Важным в приведенном выше подходе, на наш взгляд, является и то, что современные российские исследователи все более склоняются к симулятивной теории, позволяющей говорить о псевдореволюционном характере так называемых «цветных революций»: «мир меняется, и на смену вооруженных переворотов приходят более тонкие технологии цветных революций, которые умело маскируются под истинные революционные движения и практически не встречают сопротивления со стороны как стран с вполне уже сложившейся демократией, так и государств восточного типа, сохранивших традиционный жизненный уклад» [18, С.6].

Но необходимо понимать, что современная «цветная революция», максимизация её информационно-психологических эффектов, требует не только четкого алгоритма действий, качественных организационных, финансовых, кадровых, инфраструктурных решений, но и выбора эффективной политико-психологической стратегии управления массовым сознанием и поведением.

Не претендуя на детальное рассмотрение глубинных теоретических оснований современных

«цветных революций», остановимся на отдельных наиболее заметных технологических решениях архитекторов подобных «революций», направленных на управление пространством смыслов и символов, психоэмоциональной атмосферой в обществе, которое подвергается «революционной атаке». В частности, представляется важным проанализировать четыре базовых механизма, которые оказываются востребованными в практиках «цветных» протестов: *перереформативание паттернов массового сознания*; механизм «*символической жертвы*», *метафоризация и символизация* политического пространства; и использование *кризиса национально-государственной идентичности*.

Важным компонентом успешной «цветной революции» является *кардинальное перереформативание массовых представлений* о социальной и политической реальности как таковой через механизм пошагового рефрейминга – изменения системы координат, посредством которой воспринимаются общественные процессы. Показателен пример Украины 2012-2013 гг., когда социальная установка «*сравнительного благополучия*» («живем лучше, чем при «оранжевых») была сначала заменена на «*сравнительное неблагополучие*» («живем хуже, чем в Европе»), а впоследствии – и на «*абсолютное неблагополучие*» («живем хуже некуда»).

Следующей важной точкой слома существующей системы политических координат является её искусственная поляризация через активное использование не только идейно-политических или бытовых установок («жить, как в Европе»), но и морализаторских мотивов («жулики и воры», «президент – зэк», «верните наши голоса», «Беркут избил студентов» и т.п.). Таким образом, власть изначально объявляется аморальной и преступной. Следовательно, выступить против неё – моральная обязанность каждого «честного» человека, вне зависимости от его политических взглядов.

В этих условиях, когда ключевой конструкцией становится оппозиция «наши – враги», искусственно уничтожается смысловое пространство компромиссов. Всякая попытка конструктивного взаимодействия с «режимом» становится синонимом предательства «революционных идеалов» и, таким образом, исключается. Силы, выступающие с умеренных позиций или допускающие диалог с действующей властью, искусственно маргинализируются и уходят с политической сцены. Показательно, что и в бывшей Югославии, и в Грузии, и в Украине перед началом активной фазы «цветных революций» были либо дискредитированы, либо поставлены в зависимое положение все заметные политические силы с рейтингом более 5-7%, хотя бы теоретически способные выступить агентами «третьего пути» (сторонники В. Шешеля в Югосла-

вии и З. Жвани в Грузии, КПУ и Социалистическая партия – на Украине).

При этом одновременно акцент был сделан и на нейтрализацию так называемых «националистов», активность которых не вписывалась в алгоритм конкретного «майдана». Наиболее характерные примеры – инициированный извне раскол в Радикальной партии В. Шешеля и поэтапная маргинализация партии «Свобода» и ее лидера О. Тягнибока, который за полгода (ноябрь 2013 – май 2014 гг.) прошел путь от теневого лидера «майданного триумvirата» до фактически внесистемного политика с рейтингом в пределах 3-5%.

Вторым классическим механизмом инициации деструктивных политических процессов является *технологический прием «символической жертвы»*. Цель использования символической жертвы – не только катализировать протестные настроения, но и обеспечить персонализацию ответственности «первого лица», лидера свергаемого «преступного режима». Поэтому важная задача технологов «цветной революции» – выстроить явную ассоциативную связь между лидером и его «жертвой» (связь Милошевича и Стомболича через «дворцовый переворот» 1987 года; связь Кучмы и Гонгадзе через «пленки майора Мельниченко»; связь Путина и Немцова через «доклады» последнего, посвященные коррупции). При этом заметно, что происходит преднамеренный отказ от любых, даже поверхностных рациональных оценок (хотя бы в виде попыток ответа на вопрос: «кому выгодно?»), перевод ситуации в плоскость иррационально-субъективной «личной неприязни» лидера к «жертве».

Таким образом, достигается информационное и психологическое сужение ответственности – от «режима» в целом к его лидеру, что необходимо для усиления мобилизационного потенциала протеста и ускоренной поляризации общества. Это, в свою очередь, открывает перед технологами переворотов дополнительное пространство атрибуции: лидер режима сразу же оказывается не только «вором», «коррупционером», но еще и «убийцей»; а сам режим – не просто абстрактно «преступным», но и «кровавым».

Следующая стадия – «обесчеловечивание» лидеров правящего режима, готовность к радикальным действиям по отношению к ним (от знаменитого слогана «антихрист умер в Рождество», посвященного казни Н. Чаушеску 25 декабря 1989 года, до распространяемых в интернете изображений с «Януковичем – нашим Каддафи» и «Азаровым-терминатором»).

Следующая заметная черта, все более свойственная «цветным революциям» начала третьего тысячелетия – *масштабная и выразительная куль-*

тура перформанса, призванная обеспечивать не только символическую самоидентификацию «своих» в физическом и виртуальном пространствах протеста (розы, оранжевые шары, белые ленточки как на «шубах», так и на «аватарках», и т.д.), но и выполнять функцию психоэмоциональной мобилизации (белая лента как «символ благородства» VS «георгиевской»).

Не менее важная функция перформанса – развлекательная, направленная на то, чтобы освободить участников протестов и от чувства страха, и от ощущения ответственности, перевести акцию в «игровой формат», продемонстрировать миру её подчеркнутую «ненасильственность» и, тем самым, привлечь как можно больше участников. В данном ракурсе можно вспомнить и ярко выраженный «рок-формат» майдана-2004, и идею «бурных продолжительных аплодисментов» в ходе действий «васильковых революционеров» в Беларуси и, целый ряд подобных, на первый взгляд «несерьезных» и «мирных» акций [19].

И, наконец, *четвертая особенность* современных «цветных революций», заслуживающая отдельного внимания, связана с *кризисом национально-государственной идентичности* и коррелирующего с ней коллективного «образа будущего». Можно обратить внимание, что большинство стран, наиболее пострадавших от «цветных» политических технологий в начале третьего тысячелетия, представляют собой многосоставные, и де факто расколотые общества, где на момент начала «цветных революций» отсутствовала эффективная, консолидационная модель национальной идентичности. При этом линии раскола носят глубинный характер: этнический (Грузия), социокультурный (Украина), этнорелигиозный (Сирия), кланово-территориальный (Киргизия), территориально-племенной (Ливия, Йемен). Естественно, что расколотые общества в большей степени включают в себе потенциал внутренней конфликтности, и, в силу этого, представляют собой удобные объекты для внешней агрессии с использованием «цветных» технологий.

Однако необходимо также понимать, что реализация «цветных сценариев» в многосоставных обществах, неоднородных в этническом и социокультурном плане, как правило, не ограничивается только сменой режимов (что более характерно для относительно монолитных в этнокультурном плане социумов – Кореи, Сербии, Туниса). Делегитимация существующей власти, кризис «режима» в большинстве случаев означает системный коллапс государственных институтов, результатом которого становятся, как минимум, утрата части территорий (Грузия, Украина), как максимум – всеобъемлющий распад государственности (Ливия, Йемен).

Следует особо подчеркнуть, что наиболее уязвимыми для «цветного» инструментария являются страны, где внутренние этнокультурные противоречия дополняются отсутствием института «безусловного вето», способного взять на себя реинтеграционную роль в критической ситуации (аналогичную той, которую церковь играла в русской Смуте начала XVII века, или той, которую играет армия в Египте или Пакистане). Клановые и персоналистские модели оказываются удобными мишенями «цветной» агрессии хотя бы в силу того, что «уход» конкретного лидера (М. Каддафи в Ливии, А. Салеха в Йемене, потенциально – Б. Асада в Сирии) практически синонимичен распаду государства.

Парадоксально, но многие многосоставные общества, ставшие жертвами «цветных революций», выразительно иллюстрируют известную формулу «верхи не могут, низы не хотят». Различные этнокультурные сегменты «не хотят» идти на уступки друг другу в процессе формирования общенациональной идентичности, всяческим образом противодействуют этому процессу, пытаясь навязать собственные идентификационные установки, смыслы и символы оппонентам, искусственно предать своей этнокультурной модели статус общегосударственной идентичности. Подобную логику наглядно демонстрирует поведение западно-украинских радикалов в городах восточной Украины: снос памятников, попытка устроить массовый «парад переименований», шествия в честь С. Бандеры и других лидеров ОУН и УПА. В свою очередь, «верхи не могут» предложить консолидирующие символы и смыслы в пространстве конструирования общенациональной идентичности, не говоря уже о полноценной и долгосрочной стратегии её формирования [20, С.120-121]. Таким образом, и без того незрелая модель национально-государственной идентичности, в ходе цветной революции подвергается либо полному разрушению, либо глубокой

деформации, основанной на активном использовании образа внутреннего и внешнего врага.

И, самое главное, отсутствие внятной «политики идентичности» на государственном уровне дополняется отсутствием у населения позитивного «образа будущего», неспособностью власти предложить такой образ. Пример этому – «метания» В.Ф. Януковича между европейской и евразийской «интеграциями». Как следствие, достигается своеобразная «мультипликация» кризиса идентичности: аморфность национально-государственных установок и символов в массовом сознании дополняется отсутствием стратегии национальной консолидации у правящего режима.

В этих условиях операторы «цветных революций» внедряют в массовое сознание собственные, предельно упрощенные смыслы и символы. Они призваны имитировать заполнение «вакуума» национальной идентичности посредством конструирования контуров абсолютно примитивного в содержательном плане, но эмоционального привлекательного «в первом приближении» образа будущего («демократия», «европейские ценности», «свободу Тунису!», хлебные лепешки как символ «светлого будущего» и т.д.).

Таким образом, на основе сочетания четырех рассмотренных выше механизмов (*переструктурирование паттернов массового сознания; механизм «символической жертвы»; метафоризация и символизация политического пространства; и использование кризиса национально-государственной идентичности*) достигается своеобразный мультипликативный эффект, обеспечивающий абсолютную пластичность, информационно-психологическую управляемость конкретного общества. Такое общество оказывается лишенным механизмов иммунитета к «цветным революциям», не готовым активно им противодействовать и, следовательно, беззащитным перед всевозможными проявлениями инспирированной извне «цветной агрессии».

Библиография:

1. Почепцов Г.Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М., 2005. 532 с.
2. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2015. 384 с.
3. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М., 2012. С. 54.
4. Filii J.-P. The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising. London: Hurst & Co. 2011. 195 p.
5. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструментарий политики. М.: Алгоритм, 2015. С. 76.
6. Манойло А.В. Роль цветных революций в демонтаже современных политических режимов // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 3. С. 406-414.
7. Шульц Э.Э. Украина и Египет: закономерности цветных революций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 22. С. 52-56.
8. Исаев Б.А. Причины цветных революций // Конфликтология. 2014. № 2. С. 412-415.
9. Манойло А.В. Вооруженный мятеж на Украине: волна цветных революций идет на Россию // Мировая политика 2014. № 3. С. 27-35.
10. Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные» революции и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 19. С. 46-54.
11. Карпович О.Г. «Мягкая сила» в глобальных координатах внешней политики США // Право и политика. 2013. № 10. С. 1295-1297.

12. Noelle-Neumann, E. The theory of public opinion: The concept of the Spiral of Silence. 1991. Communication Yearbook 14, 256-287
13. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М., 2008. С. 97.
14. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4. С. 22-27.
15. Капицын В.М. Управление идентификациями как фактор международных отношений // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2. С. 261-275.
16. Погребинский М.Б. Как Украина шла к «оранжевой революции» // «Оранжевая революция». Украинская версия / Сост. М.Б. Погребинский. М., 2005. С. 123-136.
17. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // NB: Международные отношения. 2015. № 1. С. 1-19. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html. [DOI]
18. Манойло А. В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Право и политика. 2015. № 7. С. 918-929. DOI: URL:http://www.nbpublish.com/go_to_article.php?id=33925.
19. Cheterian V. From reforms and transition to «colored revolutions» // Journal of Communists studies and Transition Politics. L. 2009. Vol. 25. № 2-3. P. 136-160.
20. Евгеньева Т.В. Историческая память, национальное самосознание и политическая социализация // Современная теория политической социализации как инструмент политического познания: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 1. С. 118-121.

References (transliterated):

1. Pocheptsov G.G. Revolyutsiya.com. Osnovy protestnoi inzhenerii. M., 2005. 532 s.
2. «Gibridnye voyny» v khaotiziruyushchemsya mire KhKhI veka / Pod red. P.A. Tsygankova. M., 2015. 384 s.
3. Sharp Dzh. Ot diktatury k demokratii. Strategiya i taktika osvobozhdeniya. M., 2012. S. 54.
4. Filii J.-P. The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising. London: Hurst & Co. 2011. 195 p.
5. Pocheptsov G.G. Informatsionnye voyny. Novyi instrumentarii politiki. M.: Algoritm, 2015. S. 76.
6. Manoilo A.V. Rol' tsvetnykh revolyutsii v demontazhe Sovremennykh politicheskikh rezhimov // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2014. № 3. S. 406-414.
7. Shul'ts E.E. Ukraina i Egipet: zakonomernosti tsvetnykh revolyutsii // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2014. № 22. S. 52-56
8. Isaev B.A. Prichiny tsvetnykh revolyutsii // Konfliktologiya. 2014. № 2. S. 412-415.
9. Manoilo A.V. Vooruzhennyi myatezh na Ukraine: volna tsvetnykh revolyutsii idet na Rossiyu // Mirovaya politika 2014. № 3. S. 27-35.
10. Shul'ts E.E. Tekhnologii bunta: «tsvetnye» revolyutsii i «arabskaya vesna» // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2014. № 19. S. 46-54.
11. Karpovich O.G. «Myagkaya sila» v global'nykh koordinatakh vneshnei politiki SShA // Pravo i politika. 2013. № 10. S. 1295-1297.
12. Noelle-Neumann, E. The theory of public opinion: The concept of the Spiral of Silence. 1991. Communication Yearbook 14, 256-287
13. Pocheptsov G.G. Psikhologicheskie voyny. M., 2008. S. 97.
14. Evgen'eva T.V., Titov V.V. Obraz «vraga» kak instrument formirovaniya politicheskoi identichnosti v seti Internet: opyt sovremennoi Rossii // Informatsionnye voyny. 2014. № 4. S. 22-27.
15. Kapitsyn V.M. Upravlenie identifikatsiyami kak faktor mezhdunarodnykh otnoshenii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2010. № 2. S. 261-275.
16. Pogrebinskii M.B. Kak Ukraina shla k «oranzhevoi revolyutsii» // «Oranzhevaya revolyutsiya». Ukrainskaya versiya / Sost. M.B. Pogrebinskii. M., 2005. S. 123-136.
17. Manoilo A.V. Tsvetnye revolyutsii i tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 1. S. 1-19. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html. [DOI]
18. Manoilo A. V. Gibridnye voyny i tsvetnye revolyutsii v mirovoi politike // Pravo i politika. 2015. № 7. С. 918-929. DOI: URL:http://www.nbpublish.com/go_to_article.php?id=33925.
19. Cheterian V. From reforms and transition to «colored revolutions» // Journal of Communists studies and Transition Politics. L. 2009. Vol. 25. № 2-3. P. 136-160.
20. Evgen'eva T.V. Istoricheskaya pamyat', natsional'noe samosoznanie i politicheskaya sotsializatsiya // Sovremennaya teoriya politicheskoi sotsializatsii kak instrument politicheskogo poznaniya: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2013. № 1. S. 118-121.